

8. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
9. Tarnopolsky O. Writing English as a foreign language: A report from Ukraine//Journal of Second Language Writing. – 2000. – 9 (3) – P. 209-226.
10. Tarnopolsky O. Promoting EFL literacy via promoting motivation: A case for writing skills development//TESL Reporter. – 2004. – Vol. 37 (1). – P. 8-16.
11. Tarnopolsky O. (2005). Creative EFL writing as a means of intensifying English writing skill acquisition: A Ukrainian experience//TESL Canada Journal – 2005. – 23(1). – P. 76-88.
12. Tribble C. Writing. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 174 p.
13. White R., Arndt V. Process writing. – Harlow: Longman, 1991. – 186 p.

Телецкая Т. В.

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МОДАЛЬНОСТИ ДОСТОВЕРНОСТИ

Цель данной статьи – анализ существенных характеристик модальности достоверности с учетом достижений и дискуссий по проблемам модальности в аналитической философии и логике.

Функционально-семантическое поле достоверности представляет собой систему языковых средств, вражающих определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности. В зависимости от того, каким образом говорящий оценивает полноту своих знаний об описываемых явлениях, содержание высказывания (пропозиция) может быть представлено как соответствующее или не соответствующее реальному положению дел в действительности.

Рассмотрим подробнее существенные характеристики модальности этого типа. Связь между объектом предикации и его признаком, отражаемая модальностью данного типа, не является фактом объективной действительности. Говорящий (или, шире – субъект оценки) лишь предполагает существование такой связи, это результат его мыслительной деятельности, и в этом смысле данная модальность является субъективной. Однако термин “субъективная” не отражает специфики этого модального значения, так как субъективная позиция говорящего в отношении существования связи между объектом и признаком выражена и в волеизъявительных высказываниях. Побудительные и оппозитивные высказывания тоже не выражают действительной связи между объектом и признаком, а лишь оценивают ее как желательную. Для разграничения этих двух видов субъективной модальности необходимо сделать акцент на характере субъективной оценки. Семантическую сущность модальности данного типа составляет тот факт, что она не дает оценку событиям и связям действительности, а является модальностью всего высказывания, оценивая его как возможное, вероятное, сомнительное или обязательное. И оценка эта зависит от степени знания говорящего о действительности.

Модальность достоверности выражает степень познания говорящим связей и отношений действительности; она всегда субъективна в том смысле, что всегда связана с умозаключением говорящего. Модальность достоверности – внешнесинтаксическая категория, так как, выражается, как правило, элементами, находящимися в синтагматической изоляции (модальными словами, частицами, модальными фразами). Это – модальность высказывания, а не действия, она характеризует все суждение в целом, а не способ существования связи между объектом и признаком.

Модальность высказывания представляет собой явление, принципиально отличающееся от модальности глагольного действия. Сущность модальности высказывания может быть определена с учетом достижений и дискуссий по проблемам модальности в аналитической философии и логике, а также закономерностей психологических процессов в речевом общении.

В связи с этим важным является решение вопроса о специфике ментальных состояний знания и мнения, которым в современной философии уделяется большое внимание. Большинство ученых считает, что необходимо провести границу между этими видами ментального состояния.

Так, например, Витгенштейн Л. предлагает различать знание, которое не может быть ошибочным, и мнение, которое не исключает ошибки [2, с. 142-149]. Как считает Дмитровская М.А., “мнения-предположения сильно отличаются от мнений-оценок, тяготеющих к суждениям-фактам, и по ряду признаков обнаруживают сходство с верифицируемыми мнениями (оценками-предположениями): в случае мнений-предположений пропозиция имеет не субъективно-истинностную, а вероятностную оценку, высказывание же нуждается в аргументации” [4, с. 16]. Критерием для абсолютно истинного знания является засвидетельствованность органами чувств, а мнение основывается на результатах рассуждения [13, с. 161-168].

Так как ментальные состояния индивидуумов отражаются в высказываниях, то по утверждению Дмитровской М. А., “постепенно анализ центральных понятий эпистемологии сомкнулся с лингвистическим исследованием употребления глаголов пропозиционального отношения, вводящих суждения знания и мнения, и сама проблематика знания и мнения стала по преимуществу языковой” [4, с. 8]. В философских исследованиях проводится анализ ситуаций, в которых возможно или невозможно употребление ментального глагола *знать* в 1-м лице ед. ч., и выявляются причины, по которым данное употребление ограничено.

Ограничения в употреблении выражения “Я знаю” были сформулированы Витгенштейном Л. и принимаются в работе Дмитровской М. А. [3, с.167-169]. Несовместимыми с выражением “Я знаю” считаются: 1) перцептивные пропозиции; 2) пропозиции, отражающие внутреннее физическое или психическое состояние субъекта; 3) априорные (аналитические) пропозиции; 4) пропозиции, отражающие собственный опыт субъекта; 5) пропозиции, содержащие результат принятия решения.

Однако в речи вполне возможно употребление вышеуказанных классов пропозиций с выражением “Я знаю”. При этом говорящий намерен указать собеседнику на неуместность его высказывания или желает резко оборвать его.

Малькольм Н. в своей работе “Мур и Витгенштейн о значении выражения “Я знаю”” проводит анализ двенадцати различных ситуаций, в которых сочетание “Я знаю” используется по-разному и приходит к следующему выводу: “... я должен заявить, что не совсем понимаю, что имеется в виду под “истинным значением” выражения “Я знаю”. Более того, я вообще не вижу необходимости в этом понятии. Как можно выявить “истинное значение”? Как оно связано с теми различными функциями, которые выполняет выражение “Я знаю” в реальных ситуациях?” [8, с. 249].

Вопросы, связанные не только с философским противопоставлением знание/мнение, но и с лингвистическим определением содержания соответствующих языковых средств и в настоящее время остаются не до конца решенными. Однако, уже выработаны некоторые беспорные критерии, которые позволяют дифференцировать семантику знания и мнения. Один критерий предложен Дж. Остином и состоит в различии вопросов, которые могут быть заданы вслед за выражением знания или мнения. В первом случае правомерен вопрос “Откуда вы знаете?” (*How do you know?*). Во втором случае правомерен вопрос “Почему вы так думаете?” (*Why do you think so?*). Различие между ними выявляется в следующем: “В вопросе “Откуда вы знаете?” может содержаться предположение, что собеседник на самом деле, возможно, не знает, а в вопросе “Почему вы так думаете?” может предполагаться, что он, возможно, *не должен* так думать” [10, с. 50]. Как указывает Дж. Остин, между “Я знаю” и “Я абсолютно уверен” существует огромное различие [10, с. 51].

Второй критерий состоит и сочетаемости глаголов знания с косвенными вопросами и в отсутствии таковой у глаголов мнения. На материале русского языка Булыгина Т. В. и Шмелев А. Д. выявили связь между сочетаемостью/несочетаемостью ментальных глаголов с косвенным вопросом в зависимости от их роли в коммуникативном членении предложения. Ученые обращают внимание на то, что “русские глаголы *полагать, думать, считать* никогда не бывают в коммуникативном фокусе, т.е. в центре внимания находится не само наличие мнения в сознании субъекта, а содержание мнения. Поэтому естественно полностью эксплицитировать это содержание, что можно сделать только при помощи придаточного с союзом *что*. Глаголы типа *знать*, напротив, могут быть в коммуникативном фокусе, и потому свободно сочетаются с косвенным вопросом” [1, с. 61].

В логике знание и мнение отражаются в суждениях, которые различаются по признаку логической или фактической детерминированности. Суждение считается “истинным (или ложным) в силу либо логических оснований, либо его истинность (или ложность) определяется фактическим положением дел” [6, с.97]. “Логически детерминированными (L – детерминированными) считаются суждения, истинность или ложность которых зависит от структуры самого суждения или от других суждений в определенной логической системе знаний” [6, с.97]. “Фактически детерминированными (F – детерминированными) называют высказывания, истинность или ложность которых устанавливают либо опытным путем, либо соотношением с определенной областью научных знаний [6, с. 98]. Именно логическая и фактическая детерминированность суждений лежит в основе содержания понятий “мнение”, т. е. вывод, умозаключение, с одной стороны, и простое “знание” – с другой.

В зависимости от степени обоснованности высказывание, которое содержит выводное знание-мнение, может быть категорическим или проблематическим.

Однако в высказывании кроме объективной логической обоснованности присутствует также психологический аспект субъективной уверенности или неуверенности говорящего в истинности содержания высказывания. Отсутствие сомнений у говорящего не является показателем достоверности высказывания, как и наличие сомнений не исключает объективно правильного умозаключения.

Это значит, что логическая достоверность суждения, которое отражено в высказывании, не всегда совпадает с психологическим состоянием уверенности говорящего.

Кроме того, говорящий для достижения желаемого прагматического воздействия на собеседника может намеренно скрыть свое истинное ментальное состояние. По утверждению Николаевой Т.М., “язык умеет манипулировать, он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать” [9, с. 154].

Как утверждает Крипке С., с позиций логики, “если субъект полагает, что нечто является истинным или ложным, то не играет никакой роли, как его мнение передано в предложении” [7, с. 198]. Напротив, в языке важен способ передачи мысли, те формальные средства, которые позволяют слушающему понять мысль говорящего в соответствии с замыслом последнего.

В речевом общении часты случаи, когда мыслительный процесс опускается и умозаключение преподносится как фактическое простое знание, при этом единственным маркером умозаключения является интонация высказывания.

Мысль о том, что функционирование высказываний в речи не укладывается в жесткие логико-философские схемы высказана в работах В. А. Звегинцева [5] и Л. Н. Сумароковой [12].

На основании вышеизложенного Сабанеева М. К. следующим образом определяет сущность модальности высказывания: “Модальность высказывания выражает отношение говорящего к содержанию высказывания с точки зрения наличия/отсутствия критической оценки его достоверности” [11, с. 16]. В случае отсутствия выраженной языковыми средствами критической оценки достоверности высказывания содержание высказывания предстает как фактически детерминированное суждение и является языковым аналогом ментального состояния знания. Единственным специализированным средством выражения некритической или простой модальности высказывания является глагол “знать” или “узнавать” в 1-м лице единственного числа. В большинстве случаев некритическая модальность высказывания никак не маркируется в речи. В отличие от некритической модальности высказывания критическая модальность всегда маркирована. Критическая модальность высказывания представляет собой языковой аналог ментального состояния мнения.

Таким образом можно констатировать, что модальность достоверности находится в сложных отношениях со структурно-семантической основой предложения. С логической точки зрения семантика достоверности представляет собою “модальную рамку”, внутри которой помещается пропозиция, оцениваемая в аспекте “модуса знания” говорящего (мыслящего) субъекта. В отличие от модальности события, выраженного в пропозиции, модальность достоверности отражает степень полноты и характер знания говорящего о событии.

Однако, для полноты описания модальности достоверности необходимо провести анализ этого модального значения с учетом закономерностей психологических процессов в речевом общении, что может быть предметом отдельного исследования.

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988. – С. 48-63
2. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. – 1984. – № 8. С. 133-152
3. Дмитриевская М.А. Знание и достоверность // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. С. 157-175
4. Дмитриевская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988. С. 6-17
5. Звегинцев В. А. Логико-лингвистические противоречия // Логический анализ естественных языков. – М., 1982. С. 119-122
6. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. – М., 1982. – 263 с.
7. Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка / Общ. ред. В.В. Петрова. – М., 1986. – С. 194-241
8. Малькольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения “Я знаю” // Философия, логика, язык. – М., 1987. С. 234-263
9. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 147-165
10. Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. – 1987. – С. 48-95
11. Сабанеева М.К. Функциональный анализ наклонений в современном французском языке. – Л., 1984. – 103 с.
12. Сумарокова Л. Н. Философские основания сопоставления языковых и логических структур // Логический анализ естественных языков. – М., 1982. С. 133-137
13. Aijmeer K. Epistemic modal auxiliaries in English // Odense university studies in linguistics, Vol. 3, 1970. – P. 161-168

Тер-Аванесова А. В.

НИ ПЛЫТЬ, НИ ЕХАТЬ (К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ)¹

Предлагаемая работа относится к области русской диалектной семантики: она содержит краткий анализ значений нескольких глаголов движения – *плыть, течь, ползти, идти, ехать* и их пар, обозначающих ненаправленное движение, – в северо-западных русских говорах. Целью ее является анализ семантической структуры названных глаголов и показ диалектных различий, связанных с выражением этими глаголами различных способов перемещения в пространстве. В диалектах, как и в литературном языке, способ передвижения в пространстве выражается корнем (основой) глаголов движения; поэтому в настоящей работе приводятся также слова, производные от глаголов движения и сохраняющие с последними прозрачную семантическую связь.

Меньшее место отведено диалектным различиям, связанным с обозначением направления передвижения: этот компонент значения анализируется лишь в том случае, когда он выражается корнем глагола движения, как в случае с *плыть* и *течь*. Диалектные различия в обозначении направления передвижения, выражаемого главным образом при помощи префиксов, должны, по-видимому, рассматриваться в связи с проблемой вида и способов глагольного действия на фоне глаголов других семантических групп (ср. сев.-рус. *сойти?* ‘уйти’, *сье?хать* ‘уехать’; *походи?ть* ‘идти’, *поезжа?ть* ‘ехать’; *вы?ездить* ‘проехать’; *попоходи?ть* ‘походить’, *запоходи?ть* ‘пойти; начать собираться в путь’ и под.).

Работа построена на материале северо-западных русских говоров, относящихся преимущественно к Онежской группе говоров севернорусского наречия, отчасти собранном в ходе экспедиций в Заонежье (Медвежьегорский р-н Карелии, северное побережье Онежского озера) и Архангельскую область, отчасти взятом из диалектных словарей [1-4].

Семантика этих глаголов в русских говорах не была предметом описания в диалектологической литературе, однако материал по ним представлен в диалектных словарях. К сожалению, большинство диалектных словарей построено по дифференциальному принципу, т. е. отражает только диалектизмы, опуская слова и значения слов, представленные и в говоре, и в русском литературном языке. Этот пробел отчасти позволяют восполнить наши собственные полевые материалы, помеченные в работе как “Заон.” и “Арх.” Однако совпадение между говором и литературным языком в одном из значений слова может быть только кажущимся, как в случае со значением глагола *плыть* ‘передвигаться вплавь в воде’ (о человеке): на самом деле в говоре это значение является лишь частным (контекстно обусловленным) проявлением более общего значения глагола *плыть* ‘передвигаться не ходьбой, подобно рыбе или змею’.

В работе применяется методика, обычная для работ по диалектной семантике: разные типы значений устанавливаются на основании примеров контекстного употребления глаголов. В случае переносных значений глаголов, а их набор у глаголов движения чрезвычайно богат и в литературном языке, и в говорах, контекст приобретает первостепенное значение, однозначно определяющий в говоре выбор того или иного глагола (ср. *кипяток (дым) плывёт, голос бежит* или *текёт, ручей бежит; самовар плывёт* (подтекает), *крыша текёт* и под.).

Глаголы *плыть* (заон. *плову?*, *-вёт, -ву?ть*; в прочих говорах также *пльву?*, *-ёт, -у?т*), *плавать* в онежских говорах имеет следующие основные прямые значения: 1. ‘ползти’ (о человеке, животных, змеях, насекомых): *Встать не? могу, дак доплы?ла кое-ка?к на коле?нках. Гад подоплы?л и оклева?л* ‘змея подползла и укусила’. *Тут уши не про?идеешь, га?девя пла?вайут се?ры* Заон. *Сели чай пить – гляжу: клец плывёт по руке* Лод. [4, IV, с. 553] Отсюда онежские названия змеи: *пльву?н* Пуд. [там же], *пльву?ций* Медв. [там же], наряду с общераспространенным *гад* и более редким *змея*: *Гадья, пльвуны, так мы змей кличем* Пуд. [там же].

Ср. также переносное значение у глагола *ропслиться* ‘расползтись, подобно насекомым’ в примере *Нонь вси с дере?вян ропсли?лись в городо? да в посёлки?* Заон.

Глагол *ползти* по крайней мере в говорах Заонежья малоупотребителен и скорее всего является новым, проникшим из стандартного (литературного) языка. Однако в других северо-западных русских говорах он широко употребляется, в том числе наряду со своим синонимом *плыть* [1-4].

Глагол *плыть* также употребляется в онежских говорах в том же значении, что и в литературном языке, а именно ‘плыть в воде, применяя физические усилия’ (о живых существах), например, *рыба (человек, змея, собака и т. п.) пловёт*, однако в онежских говорах это значение является, по-видимому, частным случаем основного значения ‘ползти’. Замечательно, что заонежское *купать(ся)* (*куплю?сь, ку?плется*, ср. также *ку?пальщик*) традиционно означало ‘окунать(ся), погружать(ся) в воду’ (в том числе об обрядовом купании в Крещенской проруби,